

Постсоветское пространство: этнополитические проблемы

Вопросы для обсуждения:

1. Новое геополитическое положение России и стран СНГ. Феномен "ближнего зарубежья" для России и других новых независимых государств.
2. Национальная политика в странах бывшего СССР. Восприятие национальной политики Российской Федерации в регионах России и новых независимых государствах.
3. Соотношение ресурсного и ценностного компонентов в этнополитических притязаниях, противоречиях и конфликтах.
4. Проблема так называемых потенциальных наций России и постсоветского пространства в целом. Современные проблемы депортированных народов.
5. Национальные элиты как особая группа субъектов региональной политики.

Ведущий секции — Президент Профессиональной социологической ассоциации¹, директор Центра социологического анализа международных конфликтов Российского Независимого Института социальных и национальных проблем (РНИСиНП), профессор А.Г.Здравомыслов

Л.М.ДРОБИЖЕВА.

*доктор исторических наук,
Институт этнологии и антропологии РАН*

Демократизация и национализм в Российской Федерации 90-х годов

Опыт перехода к демократии на постсоветском пространстве продемонстрировал чрезвычайную живучесть концепции национализма как идеи, выражающей права народов на свою государственность, защищающей язык, культуру и самобытность этнических общностей. Этим мы не открыли ничего нового, а только подтвердили, что национализм одна из самых мощных идейных сил в современном мире. Что мы должны сделать — так это переосмыслить соотношение национализма и демократии в свете нашего российского опыта.

Есть два подхода к этой проблеме. Согласно первому утверждается, что демократия и национализм несовместимы. При этом внимание акцентируется на том, что идеи национализма, включенные в полити-

¹ Секция готовилась Интерцентром совместно с Профессиональной социологической ассоциацией. В ее подготовке активно участвовали В.Л.Цымбурский и А.И.Гинзбург, по личным обстоятельствам не имевшие возможности принять участие в заседаниях. Проф. Г.Симон (Германия, Кельн) также не смог приехать, но прислал текст выступления, который распространен среди участников.

ческую практику, означают дискриминацию иных этнических групп, нарушение прав человека. Опыт двух мировых войн последнего столетия служил аргументом для сторонников такого подхода. Отечественные ученые и лидеры ссылаются на пример решения этнических проблем в ряде бывших союзных республик. Национализм многие считают устаревшим и опасным антидемократическим явлением¹. Во всяком случае, широко распространено мнение о национализме как серьезном препятствии для демократизации в России и о том, что утверждение демократии способно решить национальные (этнические) проблемы, переведя этничность в плоскость индивидуального выбора.

При втором подходе утверждается, что демократия, основывающаяся на том, чтобы опираться на процедуру голосования и определение мнения большинства, — это примитивная форма демократии, в особенности для полиэтничного общества, и что приоритет прав личности как принцип демократического общества не учитывает прав небольших народов и интересов меньшинств. Между тем для многих народов и, прежде всего, для нерусских в России — демократия имеет смысл и воспринимается именно в контексте возможности реализации их прав. У сторонников этого подхода демократия ассоциируется со свободой выбора своего пути, нередко утверждения самостоятельной государственности. С их точки зрения, национальное строительство в демократизирующемся государстве возможно на основе компромисса, когда само полиэтничное государство приобретает большую легитимность². Несомненно, что формирующаяся демократия должна найти способ согласования интересов большинства и "меньшинств" как в полиэтничном государстве в целом, так и на уровне субъектов федерации (в Российском варианте).

Одним из актуальных для будущего Российской Федерации условий такого согласования является способность общества и власти увидеть реально осуществляющиеся доктрины национализма, своего рода "образы национализма", в республиках Российской Федерации. Именно такая задача ставилась в проекте "Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов в Российской Федерации", осуществляемом под руководством автора сектором социально-психологических проблем национальных отношений Института этнологии и антропологии РАН и учеными из ряда республик при поддержке Фонда Р. и К.Макартуров. Проект реализуется в течение 1993—1996 гг. в четырех республиках РФ — Татарстане, Туве, Саха (Якутии), Северной Осетии

¹ *Линд М.* В защиту либерального национализма // *Foreign Affairs*. 1994. N 3. Vol 73. P. 88; *Нодия Г.* Демократия и национализм // *XX век и мир*. 1993. № 7—12. С. 83.

Линц Х. Государственное строительство и национальное строительство // *Политика, общество и демократия: сравнительные исследования*. М., 1995.

(Алании). Первые три из названных республик переживали конституционные конфликты, Алания и Тува — межэтнические. Исследования опирались на анализ законодательных документов, программ общественных движений, прессы и других документов в республиках, на результаты репрезентативных опросов населения (по 1000 человек в каждой республике)¹, интервьюирование лидеров (120), опросы экспертов (960 человек) из среды политической, художественно-творческой элиты и квалифицированных рабочих. Использование всех этих методов в совокупности дало основание для выводов, которые имеют отношение к обсуждаемой теме.

Необходимо отметить, что понимание национализма в нашей научной и политической литературе в 80—90-е годы менялось. В марксистской теории под национализмом понимали систему идей о превосходстве своей нации, непризнание равенства народов, нетерпимость, стремление не смешиваться с другими этническими общностями (эксклюзивизм). Между тем, в мировой литературе, обобщавшей опыт национальных движений, в 70-е годы стало закрепляться иное понимание национализма. Согласно новой доктрине, люди для достижения свободы и самореализации должны самоидентифицироваться с этнической общностью, а раскрытие потенциала народа возможно лишь в собственном национальном государстве. Приверженность интересам такого государства признается доминирующей лояльностью. Верность идеям национального, этнического возрождения становится мобилизирующей силой общественных движений, направленных на достижение собственной государственности². Как писал Эрнест Геллнер, в английском языке "этот термин (национализм. — *Л.Д.*) употребляется в нейтральном смысле и не содержит оттенка как одобрения, так и неодобрения. Он употребляется для обозначения принципа, требующего, чтобы политические и этнические единицы совпали"³.

В период перестройки, когда начались национальные движения, которые на каком-то этапе способствовали падению тоталитарного режима, понимание национализма в нашей науке и политической практике стало ближе к доминировавшему в мировой литературе. Демократически ориентированные общественные деятели, политики, ученые обращались к эстонцам, литовцам, латышам со словами: "За Вашу и нашу свободу"⁴.

¹ Субботина И.А. Краткое описание принципов выборки // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов М., 1994 С. 229—233.

² Smith A. Theories of Nationalism. L, 1971; *Idem.* Nationalism in the Twentieth Century. L., 1979.

³ Геллнер Э. Нации и национализм М, 1992 С 5, 24.

⁴ Лозунг воспроизводит формулу А.И.Герцена, поддержавшего польское освободительное движение против Царского самодержавия в 60-е годы прошлого века (Прим. ред — А.З.).

Однако, получив свободу для себя, титульные народы в лице политической элиты оказались не готовыми предоставить равенство другим. Даже в Эстонии, Латвии — государствах, относящих себя к демократическим, политика открыто строится на этническом доминировании, а идея этнического плюрализма не получает поддержки.

Опыт этнических чисток, вынужденных потоков миграции в Азербайджане, Армении, а затем и в Грузии меняли отношение к самому понятию национализма в российском общественном мнении. В публицистике и практической политике национализм все чаще стал трактоваться в прежнем негативном значении.

Обвинения в "агрессивном национализме", выдвигаемые в адрес некоторых республиканских лидеров и движений, порождает ответную негативную реакцию по отношению к Центру, которая переносится на местное русское население. Таков механизм создания межэтнического напряжения. Поэтому вопрос о соотношении национализма и демократии — не только теоретический, но и актуальный, практический.

Однако следует иметь в виду, что национализм в республиках реализуется в разных вариантах. На примере республик, в которых проводилось наше исследование, прослеживаются пять его типов:

1) классический *этноприоритетный национализм*, ориентированный на создание независимого государства, прослеживавшийся в период апогея национального движения в Татарстане в 1990—1992 гг.;

2) соотнесенный, *паритетный национализм*, основанный на доминировании идеи государственной самостоятельности в рамках конфедерации или реального федерализма. Иногда эту конфигурацию власти называют разделенным суверенитетом. Именно такой тип суверенитета сейчас является доминирующим в государственной политике Татарстана. Верность интересам республики провозглашается доминирующей лояльностью, но декларируется культурный плюрализм и даже в чем-то паритет культур;

3) на фоне паритетного национализма прослеживаются конкретные доминанты. Такой доминантой в Саха (Якутии) является экономическая самостоятельность. Если эта экономическая самостоятельность рассматривается как основа для политического суверенитета (не обязательно сепаратизма, возможно — суверенитета в рамках федерации или конфедерации в перспективе), то такой национализм мы называем *экономическим*;

4) защитный или *оборонный национализм*. В Северной Осетии - Алании в идеологии и пропаганде явно прослеживается доминанта опасности потери части территории, равно как и тема дискриминации со стороны южных осетин Грузии. Поэтому осетинский

национализм мы считаем возможным квалифицировать как *защитный, оборонительный*. Он доминирует и у ингушей;

5) анализ выступлений политических лидеров Центра и ученых, обеспечивающих их идеологически, дал основание для выделения *пятого типа национализма — модернизационного или реформаторского*. Например, в команде Гайдара, во всяком случае до 1992 г., разрабатывались идеи преимущества развития России без отстающих колоний. Как это ни парадоксально, в национально-патриотическом движении русских возникла идеологема "пора сбросить с себя кусающих соседей"¹. Крайности сходятся.

Результаты опросов, проведенных в четырех республиках, дают возможность представить, насколько конкретные варианты национализма разделяются массовым общественным мнением. Идеи сецессии, включающие готовность идти на жертвы за самостоятельность, вплоть до использования насильственных методов, разделяются очень узким кругом людей (не более 1—2%). Идею суверенитета с правом выхода из состава Российской Федерации разделяют от 27 до 38% представителей титульных этносов. При этом право выхода, которое в эфемерном виде имели еще по Конституции республики Союза, рассматривается как способ, обеспечивающий отношение равенства, уважения к республикам. В наибольшей мере эти идеи поддерживают татары и осетины, а в меньшей — тувинцы и саха.

Обратим внимание на то, что в одно и то же понятие представители разных народов и даже одного и того же народа вкладывают разное значение. Так для татар, как можно судить из интервью с несколькими лидерами, "право выхода" — это либо возможный вариант реального поведения, либо подтверждение их особого статуса в Российской Федерации и способ сдерживания "имперских устремлений Центра". Для осетинских политиков "право выхода" — это скорее средство давления на российское руководство в решении территориального спора. Не случайно в принятой Конституции республики Северная Осетия — Алания нет положения ни о суверенности республики, ни о праве выхода.

В программе наших интервью был контрольный, более "жесткий" вопрос "Если Вы не согласны с тем, что на территории всех республик безусловно должны действовать положения Конституции Российской Федерации, то с каким решением Вы бы согласились?" В ответах была предусмотрена позиция: "Вести независимую политику вплоть до выхода из РФ". Эту позицию в Татарстане избрали 21% татар, в Туве — 13% тувинцев. Такова база наиболее последовательных, крайних, но не агрессивных националистов.

¹ Проханов А Заметки консерватора//Наш современник 1990 №5 С 90,91

Иная и более широкая база поддержки у тех, кто выступает за расширение самостоятельности в пределах Российской Федерации. Она колеблется в пределах 39—64%. Еще шире поддержка идеи "распоряжения ресурсами" или идеологии экономического национализма (57% в Северной Осетии, 64 — Татарстане, 68% — в Саха (Якутии), Туве). Отметим также, что именно самостоятельность в составе РФ (и прежде всего в распоряжении ресурсами) в ряде республик поддерживается и русскими. Например, свыше 40% русских, проживающих в республиках, разделяют такие представления. На основе этого мы можем говорить о формировании в ряде мест *этнорегионализма*. Таким образом, идеи национализма (но не в крайней форме сецессии, а в виде реального федерализма или с элементами конфедеративного устройства) разделяются более чем половиной титульных народов. И у политической элиты в этих республиках есть реальная, довольно массовая база поддержки.

Когда мы анализировали жизненные ценности на личностном уровне, то оказалось, что этническим интересам люди не придают исключительного, первостепенного значения. Лишь в Северной Осетии, где эти интересы связаны с обеспечением повседневного жизненного спокойствия, они стали первостепенными для 32% осетин. Это максимальные показатели. У татар, саха, тувинцев этот показатель колеблется в пределах 16—21%.

Можно было бы полагать, что относительно низкая актуализация этнических интересов на личностном уровне свидетельствует о процессе демократизации общества. Однако в республиках России мы об этом говорить не можем. Хотя этнические интересы имеют низкие значения среди первостепенных личностных интересов, но значения ценностей гражданского общества еще меньше. Среди проблем, требующих сейчас особого внимания, "обеспечение этнических интересов своего народа на уровне власти" называли 17—22% саха, татар, тувинцев и 32% осетин, в то время как "права человека, свободу слова, печати" — 8—11% лиц титульных национальностей; терпимость к партиям, движениям — 14—17%. Лишь у русских ценности политического плюрализма и прав человека конкурируют с национальными, этническими интересами, так как эти ценности обеспечивают интересы русских в случае межэтнических напряжений.

Другой признак гражданского общества — верховенство идеи права, в соответствии с которой закон выше интересов людей и групп. Исследование зафиксировало непризнание верховенства Федеральной Конституции довольно значительными группами в Якутии (среди городских — саха 39% при 29% затруднившихся с ответом) и в Татарстане (соответственно 37% и 40%).

Мы также использовали индикатор, который позволял рассмотреть отношение к регулированию общественной сферы государством

В соответствии с принципами гражданского общества вмешательство государства в эти сферы встречает оппозицию. В нашем исследовании фиксировались группы респондентов, ориентированные на "восстановление порядка в стране, если надо с привлечением ФСБ, МВД, прокуратуры". Эту позицию выбрали от 40 до 58% саха, тувинцев, татар (в городах). Следует заметить, что доля сторонников наведения порядка с помощью государственной машины достаточно высока и в целом по России. Судя по сентябрьскому 1994 г. всероссийскому опросу ВЦИОМ, на вопрос: "Что сейчас больше нужно России: порядок или демократия?" — 76% респондентов ответили "порядок", 8,7% — "демократия", 14,7% затруднились с ответом¹.

Итак, результаты исследования со всей очевидностью говорят о важности дифференциации "лица" национализма. Мы выбрали для анализа национализм республики, которые зашли наиболее далеко в его реализации. И даже здесь для социально активной части населения приемлем мягкий "паритетный" национализм. При нем нет полной готовности масс к реализации ценностей демократического общества, но ровно в той мере, как нет такой готовности и во всем российском обществе. Различие, пожалуй, лишь в степени свободы печати, которой в республиках меньше.

Ситуация с демократизацией в республиках тесно связана с процессами, происходящими в Центре. Если в Центре нет продвижения к реальному федерализму и нет понимания интересов республик, а есть враждебность по отношению к ним, то это рождает ответное недоверие и враждебность. Как показывает опыт Чеченской республики, эта враждебность, доведенная до непримиримости, приводит к милитаризованным способам решения сторонами проблем, а значит — милитаризации России в целом, при которой ни о какой свободе говорить не придется. Крайний национализм республик губит демократию в Центре, милитаризованный национализм Центра погубит ростки демократии в республиках.

В республиках Российской Федерации национализм еще длительное время будет подпитываться обидами за прошлое — сокращение функций родных языков, утерю культурных традиций, исчезнувших в силу как модернизационных процессов, так и несовместимости с государственной идеологией. У репрессированных народов национализм связан с оскорблением национального достоинства отцов и дедов, потерянными территориями, стереотипом "наказанных" народов. Национализм будет питаться непредставленностью нерусских народов на политическом властном олимпе Федеральной власти. Среди этнических ценностей — "обеспечение интересов моего народа во властных структурах" одна из четко

¹ Экономические и социальные проблемы мониторинг общественного мнения 1994 № 6 С 62

выделяемых как нерусскими, так и русскими. Наконец, национализм в известной мере является реакцией на необъективное освещение положения в республиках в СМИ, обвинения в агрессивном национализме, к которым нередко прибегают политические лидеры в попытках мобилизовать вокруг себя этническое большинство.

В то же время в республиках идеи этнической сплоченности еще остаются способом удержания или получения власти. Национализм — это процесс, с которым обществу придется считаться и сейчас, и в перспективе, даже в том случае, если демократия будет постепенно утверждаться.

Проявления национализма в постсоветском пространстве мы наблюдаем в разных формах — от устремлений, осуществляемых парламентским путем до агрессивных насильственных действий.

Негативные последствия национализма наблюдаются даже в тех случаях, когда он имеет форму конституционных конфликтов. Ведь до того, как их урегулируют, агенты национализма разогревают этнические чувства людей, пропагандируют идеи ущербности, ведут поиски врагов, которыми становятся не только далекий "Центр", но и местное население в лице местных русских. На них проецируется ответственность за "имперскую политику федеральных властей".

Естественно, в республиках, где имели место межнациональные насильственные столкновения, психологические последствия этого особенно сильны. В Северной Осетии 70% и осетин и русских оценивают национальные отношения как напряженные. В Туве, где в 1990 г. были насильственные межгрупповые столкновения, 47% русских также оценивают состояние межнациональных отношений как напряженное, хотя и в Осетии, и Туве ущемление своих прав из-за национальности,

по их собственным оценкам, испытывали меньше трети русских.

Именно в зонах вооруженных столкновений люди чаще допускают использование насильственных действий, если они принесут результат (в Северной Осетии 28% осетин и 22% русских, в то время как в Татарстане допустимость насилия признают только 7—8% татар и русских, в Якутии — соответственно 14 и 7%).

Надо подчеркнуть, что лидеры, преданные идеям национализма в смысле борьбы за самостоятельность и самоопределение, занимают неодинаковые позиции. Одни готовы насаждать вражду и агрессию, другие хорошо понимают губительность такой "философии". Однако идеологи и государство должны найти механизмы управления ситуацией в условиях роста национального самосознания, возвышающихся национальных потребностей и интересов людей.

В мировой практике известны два подхода к решению этнических проблем. Один — интегрирующий, ассимиляторский, согласно которому все не-титульные национальнвсти должны знать и использовать язык титульного этноса, его культуру, максимально

адаптироваться к ним, проявлять лояльность к государству, идеология которого строится на признании этнического доминирования титульного этноса. Второй подход основывается на признании и реализации политики культурного плюрализма. Он реализуется в неэтнократических государствах. Однако одного лишь провозглашения равенства людей, независимо от национальности, недостаточно. Человек должен быть уверен, что его интересы, в том числе как члена той или иной этнической общины, будут учтены органами государственной власти. С этой целью разработаны принципы *концессиональной демократии*. "Политическая социология свидетельствует, что если тот или иной агент социального пространства не имеет "голоса" в системе, то он, — как пишет В.А.Тишков, — предпочитает "выход" из этой системы"¹.

Концессиональная демократия способна обеспечивать интересы как нерусских народов, так и русских в республиках Российской Федерации.

А.Г.Здравомыслов: Вы совсем не затронули такой формы национализма, которую можно было бы назвать архаическим национализмом. Он связан порой с какой-то животной ненавистью к представителям иных наций.

Ответ: Да, мы не называем это национализмом.

А.Г.Здравомыслов: А что это?

Ответ: Мы называем это "этнодискриминацией", когда формулируется политика, приоритетная в отношении одного народа и дискриминирующая в отношении другого.

Мы считаем, что вообще дискурс и терминология у нас должны быть выравнены применительно к современному состоянию мировой науки. Мой доклад направлен против оценочного использования термина "национализм", поскольку это обижает людей. То, о чем Вы спрашиваете, — это "этнодискриминация".

Вопрос из зала: Расскажите подробнее об опросе. Как отбирались в качестве респондентов представители разных национальностей?

Ответ: Мы выделили по две этнические общности в каждой из республик так, чтобы можно было сопоставить ответы, сформулировать какой-то прогноз и дать возможность выработать политику. Поэтому брались обязательно представители титульного народа и русские, живущие на территории данной республики.

Вопрос: Учитывалась ли связь национальной принадлежности и религиозных верований? В чем она состоит?

Ответ: Да, конечно. Мы пытались выделить три направления для сравнений: дискурс (т.е. то, что провозглашается), далее, зако-

¹ Тишков В. А. Россия как многонациональная общность и перспективы меж-этнического согласия М, 1994 С 8

ны и институционализация и, наконец, как реализуются намерения. Выяснилось, что на уровне дискурса "религиозная несовместимость" играет особую роль. А на законодательном уровне это очень редко прослеживается в российских республиках. Очень важно было включить этот элемент для анализа в Татарстане. И наш опыт показывает, что есть расхождения. Мусульманскую идеологию по-разному видят в республиках. Это играет очень большое значение. Так, мусульманская идеология в Татарстане и в Чечне существенно различаются. Просвещенная мусульманская идеология несет в себе некоторый заряд демократического дискурса, но это не затрагивает существенно механизмов реализации. Особенность Татарстана состоит в том, что здесь пытаются выработать так называемую либеральную мусульманскую идеологию. Несовпадение декларируемой политики и реальности отчетливо просматривается. Это видно и в России. Провозглашаем демократизирующееся общество, республики объявляются антидемократичными, а сами поступаем хуже, чем республики. Уровень бытового национализма, так называемый, этноприоритетный дискурс, в России, среди русских и москвичей, не меньше, чем среди татар и русских в Татарии. Например, антикавказские настроения у нас в Москве идут на уровне чуть ли не 70%.